

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

УДК 340.1
ББК 67.0

ПРАВОКОНКРЕТИЗИРУЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СМЫСЛОВОМ ПОЛЕ ПРАВА

Д.А. Гаврилов, Ю.А. Гаврилова

Статья посвящена теоретической проблеме конкретизации права как разновидности юридических технологий, применяемых для анализа модели смыслового поля права. Данная проблема является не изученной в юридической науке, мало известной законодательству и юридической практике Российской Федерации.

Ключевые слова: конкретизация права, техника, технология, толкование права, смысл права, ценность, идея, норма права.

В отечественной общей теории права недостаточно разработанным является вопрос о роли правоконкретизирующих технологий в построении модели смыслового поля права. Развитие современной юридической науки, законодательства и практики свидетельствует о том, что смысл права часто познается и фиксируется в актах юридической конкретизации, имеющей место в правотворчестве, правоприменении, толковании и иных видах юридически значимой деятельности. Конкретизация права выступает объектом пристального внимания ученых-юристов на протяжении последних десятилетий. До настоящего времени отсутствует единое и общепризнанное представление о ее сущности, механизмах, видах, формах и пределах осуществления. В этом плане представляется

необходимой постановка проблемы конкретизации права во взаимосвязи с юридическими технологиями и смыслом права. Результатом такого специфического анализа этих проблем будет являться формирование модели смыслового поля права.

Изучение поставленных нами вопросов происходит в сфере юридической науки, где базовые понятия техники и технологии имеют особый смысл и содержание. Наиболее разработанным в отечественной теории права является понятие юридической техники, а термин «юридическая технология» используется сравнительно реже. По мнению М.Л. Давыдовой, юридическая техника – это система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания [1, с. 50].

В.Н. Карташов считает, что технология юридической конкретизации представляет собой, в частности, систему юридических действий и операций компетентных субъектов, связанную с уточнением и детализацией, снижением уровня общности и абстрактности юридических предписаний, в состав которой входят: стратегия, тактика, ресурсы, средства (техника), тактика, процессуальные формы и виды контроля за ее результатами [2, с. 70, 71].

В процессе построения модели смыслового поля права правоконкретирующие технологии играют конструирующую роль. Конкретизация права как объект научного анализа имеет собственный технологический цикл функционирования, складывающийся из следующих элементов: 1) уровни осуществления (**нормативная, поднормативная, индивидуально-правовая**); 2) техника, выраженная в доминировании неисчерпывающей совокупности приемов, сходных с определением понятия и заменяющих его: **иллюстрации, характеристики, сравнения (различения), определения через перечисление предметов, классического родовидового определения** и т. п.; 3) степень и глубина развертывания содержания права (**толкование, уточнение, детализация и развитие**).

Особого внимания при рассмотрении правоконкретирующей деятельности требует **развитие содержания права**. Оно может быть рассмотрено и как комплексный метод, и как внутренняя форма, ступень осуществления, и как официальный результат состоявшейся юридической конкретизации. Это конкретизация права, взятая под углом ее содержательной адекватности урегулированным общественным отношениям (точности, определенности, однозначности и согласованности с общей системой правового регулирования). Например, процесс осуществления конституционного правосудия достиг сегодня в России такого качественного уровня, при котором можно наблюдать, обобщать и прогнозировать комплексное развитие содержания права, где нередко законодательный механизм такого развития даже уступает место поднормативному (судебному). И во всех аналогичных случаях длительного реформирования законодательства высшие правоприменительные органы выполняют функции конкретизации правового

регулирования и часто занимаются самым настоящим развитием содержания права.

Развитие – это наиболее сложный способ и (или) результат конкретизации, в рамках которого допустимо как максимально детальное, подробное правовое регулирование имеющихся отношений, так и распространение действия права на новые виды общественных отношений, то есть обретение им нового смысла. В действительности, с учетом своеобразной традиции отечественной общей теории права, принято считать, что развитие права проходит две ступени.

На первоначальном этапе осуществляется **логическое развитие права** в пределах текстуальных рамок и заданного смысла закона путем его **интерпретации по объему**. Смысл правовой нормы пока логически преобразуется без изменения текста. Здесь развитие может вполне пересекаться с уточнением, которое направлено преимущественно на пояснение, устранение отдельных дефектов письменной речи законодателя, и с детализацией, ориентированной в большей мере на познание внутреннего содержания нормы права, поглощая оба этих процесса.

На последующем этапе имеет место **юридическое развитие**, выходящее за пределы толкования по объему и являющееся уже **типичным элементом правотворчества**, в основе которого должны лежать принципы юридической справедливости и законности. В этом случае текст нормы права официально приводится в соответствие с новыми общественными отношениями и новым смыслом путем его изменения, дополнения или исправления, которые суть типовые способы правотворческого развития права.

Не следует забывать и о том, что в процессе индивидуально-правовой конкретизации, особенно при применении права по аналогии, также имеет место комплексное сочетание в различных формах толкования, уточнения, детализации, а в определенной степени и развития содержания права.

Представляется, что развитие права может быть обусловлено несколькими группами факторов. Это, в частности, потребность в быстрейшем и эффективном урегулировании конкретных жизненных ситуаций, необходимость использования социально апробирован-

ных практикой прогрессивных обычаев, нравственного обоснования переосмысленных ценностей и опыта человеческого общежития, формирование новых принципов самого права, обеспечение законности подзаконного нормотворчества, развитие науки и техники. Однако важно в итоге следующее. Развитие права как комплексное явление правовой жизни необходимо преимущественно для того, чтобы обеспечить эффективную непрерывную конкретизацию права всеми его субъектами, а конкретизация права, в свою очередь, является организационно-методической и технико-технологической основой развития права.

Анализируя постановления Конституционного Суда РФ за 2012 г., можно отметить их социальную направленность в части государственной гарантированности мер социальной поддержки и защиты социальных прав человека. Наиболее нарушаемыми социальными правами можно считать права лиц, подвергшихся воздействию радиации в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, права военнослужащих на обеспечение жильем, трудовые права граждан, права сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих, получивших телесные повреждения в связи с осуществлением служебной деятельности или признанных инвалидами, на соответствующее социальное обеспечение и компенсации, права на достойное пенсионное обеспечение членов семей погибших сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих, а также иные социальные права родителей, имеющих несовершеннолетних детей, и т. п.

Постановления Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2012 г. № 1-П, от 24 октября 2012 г. № 23-П, от 7 ноября 2012 г. № 24-П конкретизируют действующее законодательство в части права на полноценную социальную помощь и возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Согласно конституционно-правовому смыслу, государство должно гарантировать инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел или из числа военнослужащих право на мак-

симальную государственную поддержку в части назначения ежемесячных денежных компенсаций в размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (исходя из денежного довольствия с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности) [3]. Конституционный Суд РФ также указал на необходимость внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать гражданам, которые постоянно проживали (работали) на территории зоны проживания с льготным социально-экономическим статусом до 1 января 1991 г., затем покинули ее в период до 2 декабря 1995 г. и впоследствии (после 2 декабря 1995 г.) вернулись туда на постоянное место жительства, право на предоставление ежемесячных денежных компенсаций и ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска [4].

Постановления Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2012 г. № 3-П и от 15 октября 2012 г. № 21-П признают оспариваемые положения Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» не соответствующими Конституции РФ в части права на обеспечение жилыми помещениями по выбору в одной из предусмотренных форм, а также возможности получения данной меры социальной поддержки.

Конституция Российской Федерации обязывает Россию, как правовое и социальное государство, обеспечивать эффективную защиту и поддержку семьи, в том числе путем предоставления социального обеспечения в связи с воспитанием детей, а также в случае потери кормильца (ч. 1 ст. 1; ч. 2 ст. 7; ч. 1 ст. 38; ч. 1 ст. 39). Осуществляя правовое регулирование социального обеспечения членов семьи погибшего (умершего) кормильца, во исполнение указанных конституционных предписаний, федеральный законодатель исходит из того, что по общему правилу правовой статус такой семьи произведен от правового статуса лица, на иждивении которого находились ее члены, в том числе несовершеннолетние дети, и зависит от специфики профессиональной деятельности кормильца и причины его гибели (смерти). Положения постановлений Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 7-П и от 19 ноября 2012 г. № 27-П направ-

лены на защиту семей погибших или умерших государственных служащих в части совершенствования, улучшения пенсионного обеспечения, максимальной, в полном объеме компенсации материальных потерь, обусловленных смертью кормильца, чтобы эта компенсация в совокупности с другими выплатами обеспечивала бы семьям получение, по крайней мере, доли заработка (денежного довольствия) погибшего (умершего) [5]. Кроме того, федеральному законодателю необходимо определить специальный порядок пенсионного обеспечения нетрудоспособных членов семьи, которые находились на иждивении судьи (пребывавшего в отставке судьи), умершего вследствие причин, не связанных с его служебной деятельностью. Размер этой пенсии определяется безотносительно к его заработной плате по должности судьи и, соответственно, не позволяет компенсировать утраченный в связи с его смертью доход с тем, чтобы гарантировать им надлежащую социальную защиту как лицам, правовой статус которых произведен от конституционно-правового статуса судьи [6].

Постановление Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 2-П защищает трудовые и социальные права лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, государственные гарантии в виде компенсации расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно в пределах территории Российской Федерации, а также размер, условия и порядок компенсации указанных расходов. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2012 г. № 10-П направлено на защиту от безработицы и предоставления гарантий социальной поддержки, включая пособие по безработице членов товариществ собственников жилья, которым федеральный законодатель создал препятствия для признания в установленном порядке безработными, утратившими работу, заработок, что ведет к нарушению прав указанных лиц.

Конституционный Суд Российской Федерации также подтвердил право родителя, приобретшего за счет собственных средств квартиру в общую долевую собственность со своими несовершеннолетними детьми, на получение имущественного налогового вычета

в соответствии с фактически произведенными расходами в пределах, установленных законом. В большинстве случаев это полная сумма средств, направленных на покупку (мену, строительство) конкретного жилого помещения, а не только размер его родительской доли в праве общей собственности, как эту норму толковали налоговые органы. Этот вывод был сделан в Постановлении № 5-П от 13 марта 2008 г. потому, что несовершеннолетние дети несут бремя уплаты налогов как сосособственники, но не могут рассматриваться как полностью самостоятельные субъекты налоговых правоотношений, поскольку они в силу гражданского законодательства не могут совершать самостоятельно юридически значимые действия в отношении недвижимости, чаще всего у них отсутствует самостоятельный источник доходов для заключения данных сделок [7]. Соответствующая нормативная оценка «слабой» стороны в правоотношении (несовершеннолетнего ребенка) должна компенсироваться налоговым вычетом «сильной» стороне в правоотношении (тому родителю), которая приобретает в общую собственность с несовершеннолетним жилое помещение, заботясь тем самым о конституционно гарантированном материальном достатке и нравственно-психологическом облике ребенка в семье.

Развивая положения, изложенные в Постановлении от 13 марта 2008 г. № 5-П, Конституционный Суд РФ в Постановлении № 6-П от 1 марта 2012 г. считает, что эти правовые позиции могут быть использованы применительно к характеристике оснований реализации родителем права на получение предусмотренного абзацем вторым подп. 2 п. 1 ст. 220 Налогового кодекса Российской Федерации имущественного налогового вычета в случае приобретения им за счет собственных средств жилого помещения в собственность своего несовершеннолетнего ребенка, который в силу закона не может самостоятельно совершать юридически значимые действия в отношении недвижимости и в полной мере исполнять обязанности плательщика налога на доходы физических лиц. Предоставление родителям возможности получить имущественный налоговый вычет на основании факта приобретения в собственность своих детей недвижимости явля-

ется одним из элементов многоаспектного механизма поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, являющейся обязанностью Российской Федерации [8].

Таким образом, гражданские, семейные и иные правоотношения между родителями и детьми в процессе функционирования выявляют у регламентирующих их юридических норм существенную аксиологическую составляющую, которая по-разному осознается и оценивается в идейных представлениях правоприменителей, сторон дела, вышестоящих судов, общественности, наконец, самого законодателя. Следует отметить, что обращение к органам конституционной юстиции и доведение дела до вышестоящих инстанций являются, к сожалению, в современной России вынужденным способом защиты личностью своих прав. Вместе с тем хочется выразить надежду на то, что российская правовая политика будет развиваться по немецкому пути «фундаментализации» и непосредственного применения на практике, например, ценности детства. В Германии «благо ребенка» («das Kindeswohl») выступает как генеральный стандарт исполнения заботы о ребенке, выполняющий функцию всеобщего требования к поведению и сложившийся как выражение и результат действия всеобщих социально-этических взглядов эпохи.

Итак, можно констатировать ярко выраженную социальную направленность правоконкретизирующей деятельности Конституционного Суда РФ, который, будучи высшим органом конституционного контроля, выступает гарантом соблюдения социальных прав и свобод человека и гражданина, а конституционное правосудие является эффективным, а иногда и единствен-

ным инструментом социально ориентированной конституционно-правовой политики. Конкретизация права выступает межотраслевым (интегральным) типом (видом) юридической деятельности и внутренне необходимым механизмом развертывания содержания права в рамках модели смыслового поля права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М. Л. Давыдова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
2. Карташов, В. Н. Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) / В. Н. Карташов // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Междунар. симп., г. Геленджик, 27–28 сент. 2007 г. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2008. – 1134 с.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2012 г. № 23-П // Российская газета. – 2012. – 2 нояб. (№ 254).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2012 г. № 1-П // Российская газета. – 2012. – 2 нояб. (№ 254).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 7-П // Российская газета. – 2012. – 6 апр. (№ 76).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2012 г. № 27-П. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ksrf.ru>. – Загл. с экрана.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 2008 г. № 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 12. – Ст. 1183.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 6-П // Российская газета. – 2012. – 23 марта (№ 64).

RIGHT CONCRETIZING TECHNOLOGIES IN THE SEMANTIC FIELD OF LAW

D.A. Gavrilov, Yu.A. Gavrilova

This article is devoted to the theoretical problem of concretization of law as a kind of legal technologies for the analysis of the model of the semantic field of law. This problem has not been studied in legal science and legal practice of the Russian Federation.

Key words: *concretization of law, technique, technology, interpretation of law, meaning of law, value, idea, the rule of law.*